

Когда Хун Тяньфан получил слова дочери о помощи, хотя он был обеспокоен и встревожен, ему все равно пришлось отругать ее несколькими словами: "Я просто попросил тебя заняться делом, заняться делом, ты просто не слушаешь, теперь все в порядке, это самообман. Изначально я думал, что ты достаточно умна и рассудительна, но я ошибался. Ты делаешь это только потому, что у тебя мстительное сердце. На самом деле ты не очень умный".

Мудрость - это очень умно. "Папа, прости, сейчас не время обучать меня, дай мне сначала спасти себя, здесь слишком высоко, я очень боюсь". Хун Шина уже слишком напугана, не только тем, что Фэн Цайцзе столкнул ее вниз, но и страхом. Он не мог схватить ее достаточно крепко, чтобы она упала.

"Теперь я жалею, что выбрал тебя".

"Папа, прости меня, я была не права, я не должна думать только о мести, я была не права".

"Эй..." Слушая признание дочери, Хун Тяньфан мог только тяжело вздыхать. Он не мог больше ругать его. Он посмотрел на Фэн Цайцзе и взмолился: "Фэн Цайцзе, что ты хочешь сказать?"

Фэн Цайцзе поцарапал лицо Хун Шина кольцом в своей руке, нарисовал небольшой кровавый след и мрачно сказал: "Хун Тяньфан, твой аппетит действительно не маленький, ты действительно хочешь запечатать империю. Шестьдесят акций, но есть одна вещь, которую ты, похоже, еще не понял".

"В чем дело?"

"Если у вас много еды, есть ли у вас возможность зарабатывать деньги, чтобы покупать еду? Ваш аппетит - это съесть 16% капитала империи Фэнши. Есть ли у тебя такая способность поддерживать свой аппетит?"

"I."

"Я уверен, чтобы сказать тебе, что если у тебя нет этой способности, у тебя нет такой большой способности, не ешь так много, иначе ты съешь проблему, и последствия этой проблемы, я боюсь, ты не сможешь вынести".

"Что ты имеешь в виду?" Хун Тяньфан становился все более и более испуганным. Только что он боялся, что не сможет спасти своего ребенка. Сейчас он все еще боится, что все, что у него есть в руках, исчезнет, потому что взгляд в глазах Фэн Цайцзе в это время, кажется, уничтожил Людей.

Фэн Цайцзе продолжал царапать лицо Хун Шины кольцом, но на этот раз раны не было, только испуг: "Вы, отец и дочь, действительно подтверждаете изречение древних. Если у тебя есть отец, то у тебя есть и дочь. Они так похожи, что любят спрашивать людей: "Что ты имеешь в виду?".

"Хватит говорить о других глупостях, тебе просто нужно сказать мне, как я могу быть готов отпустить людей?"

"Только что у тебя не было времени говорить глупости, но ты наговорил много глупостей. Теперь у меня есть время говорить глупости, поэтому я должен говорить еще больше глупостей. Как ты только что сказал, есть длинная ночь, и есть время".

"Фэн Цайцзе".

"Хун Тяньфан, давай играть медленно. Принеси мне вон ту веревку". Фэн Цайцзе указательным пальцем указал на пеньковую веревку рядом с собой и приказал людям принести веревку по желанию.

Люди рядом с ним не знали, стоит ли слушать его приказы, поэтому они посмотрели на Хун Тяньфана и ждали его указаний.

Хун Тяньфан кивнул и попросил их выполнять приказы.

Получив приказ, мужчина поднял с земли пеньковую веревку и поднес ее к Фэн Цайцзе.

"Что ты собираешься делать со шпагатом?" подозрительно спросила Хун Шина. Она была так напугана, что ослабла, и очень боялась, что упадет с высоты более чем десятка этажей.

"Узнаешь позже". Фэн Цайцзе холодно улыбнулся, взял пеньковую веревку и связал руки Хун Шиной. Чтобы убедиться в прочности, он связал еще несколько витков и взял ключ в ее руку. пойдём.

"Для чего ты меня связываешь?"

"Ты узнаешь позже".

"Тебе не нужно помогать, насколько крепко?" Хун Шина услышала точно такой же ответ, поэтому она перестала спрашивать дальше, но обнаружила, что он связал много кругов и завязал туго, отчего у нее болели оба запястья. , я чувствую себя очень расстроенной.

"Не завязывай туго, если вдруг потом развяжется, не вини меня". Фэн Цайцзе продолжал завязывать, все еще с мрачной улыбкой на лице. Хотя он знал, что планирует, никто не мог догадаться.

Видя, что появился шанс спасти людей, Хун Тяньфан пристально посмотрел на мужчин рядом с ним и жестами дал понять, чтобы они воспользовались возможностью действовать.

Несколько человек поняли его команду и уже собирались действовать. Неожиданно они закричали и прервали все свои действия.

После того, как Фэн Цайцзе крепко связал Хун Шину, он обвил веревку вокруг железной трубы каменной ограды и сильно толкнул ее.

"А..." Это произошло так внезапно, что Хун Шина совсем не была готова, ее толкнули вниз, и весь человек упал естественным образом. Она могла только паниковать и кричать.

"Сина..." Хун Тяньфан не мог подумать, что Фэн Цайцзе действительно осмелился столкнуть людей вниз, и закричал со слезами на глазах. Он уже собирался броситься к ней, но его остановили.

"Стоп." Фэн Цайцзе взял другой конец веревки и предупредил Хун Тяньфана: "Если ты осмелишься сделать еще один шаг, я отпущу тебя. Тогда ты будешь отвечать за последствия".

"Хорошо, я больше не пойду, я просто буду стоять здесь, ты не должен отпускать меня". Хун Тяньфан был так напуган, что больше не смел шутить, его лоб покрылся холодным потом,

только что он думал, что его дочь мертва, а теперь он знает, что это была ложная тревога. Фэн Цайцзе действительно нелегко спровоцировать.

Хун Шина зависла в воздухе. Она была благодарна за свою жизнь. Естественное падение только сейчас дало ей знать о страшной смерти. Раньше она смело говорила, что умерла вместе с Се Цяньнин, но теперь у нее нет смелости, она просто просит Есть способ выжить, поэтому я продолжаю умолять людей сверху: "Фэн Цизе, я знаю, что была не права, так что поторопись и подтяни меня, так что ты должен подтянуть меня. Если ты что-то сделаешь, я готов, клянусь, с этого момента я не буду беспокоить тебя и Се Цяньнин".

"Я совсем не верю тому, что ты сказал". Фэн Цайцзе держал в руке большое количество веревки, и, сказав слово, он немного приложил.

Поскольку веревка удлинилась, человек, привязанный на другом конце веревки, естественно, тоже немного упадет.

"А-нет." Хун Шина испугалась внезапного падения.

Она не только вспотела, но и заплакала, продолжая молить о пощаде людей сверху: "Пожалуйста, простите меня, я больше не смею. Я не хочу умирать".

"Разве ты не смелая? Разве ты не сказал, что мы с Цянь Нин заплатим тяжелую цену? Почему ты так боишься сейчас?"

"Я ошибался. Я больше не осмелюсь. Пожалуйста, подтяните меня. Тяжело вот так висеть. Я не хочу умирать. Я обещаю, что с этого момента не буду беспокоить тебя и Се Цяньнин".

"Теперь я знаю, что боюсь, не думаешь ли ты, что уже слишком поздно?" Фэн Цайцзе снова накинуд небольшую веревку.

"Ах..." Хун Шина была так напугана, что заплакала, уже не умоляя Фэн Цайцзе о пощаде, а прося помощи у Хун Тяньфана: "Папа, помоги мне, помоги мне."

Хун Тяньфан услышал крик дочери о помощи. Даже если он знал, что бессилен, он все равно договорился с Фэн Цайцзе: "Фэн Цайцзе, изложи свою просьбу. Если ты готов отпустить Сину, я обещаю тебе все, что ты хочешь".

"Правда?"

"Правда."

"Хорошо, переведи все свое имущество на мое имя и сделай это сейчас".

"Что, все имущество?" Когда Хун Тяньфан услышал "все имущество", его лицо стало еще более уродливым, как будто он увидел сцену разрушения.

Это правда, что они отец и сын. Фэн Цзяронг хочет все имущество, и Фэн Цайцзе тоже хочет все имущество. Правда ли, что с их семьей Хун сегодня будет покончено?

"Да, все имущество, включая недвижимость, ценные бумаги, акции и т.д., не должно быть потеряно". Фэн Цайцзе угрожал веревкой в руке, улыбаясь еще более коварно, чем раньше.

Если все имущество семьи Хун будет отнято, он увидит, как они будут создавать проблемы в будущем.

"Ты хочешь, чтобы я сделал это сейчас, как это возможно, здесь ничего нет, как я могу записать имущество на твое имя?" Хун Тяньфанг придумал оправдание, чтобы оттолкнуть его, он не только хотел спасти свою дочь, но и хотел сохранить семью Хун.

"Разве ты не просил меня прийти сюда, чтобы поговорить о долевом участии? Ты должен быть полностью готов. У тебя есть все необходимое.

Сначала переведите все деньги из вашего банка на мой счет. Что вы должны делать дальше? Все должно быть предельно ясно. Что касается недвижимости, то сначала напишите записку, что вы переводите все на мое имя, подпишите и запечатайте ее."

"Это..." Хун Тяньфанг колебался немного неохотно. .

Фэн Цайцзе не дал ему времени колебаться и накинул еще немного веревки.

"А..." Хун Шина почувствовала, что ее тело падает, и тут же закричала в панике. Чтобы спасти свою жизнь, она уговаривала Хун Тяньфана согласиться: "Папа, ты только пообещай ему, иначе я действительно упаду. "

"Да, соглашайся скорее, иначе твоя дочь упадет".

"Папа, я прошу тебя, согласись с ним".

Хун Тяньфан сжал кулаки и некоторое время не мог сделать выбор. В отчаянии ему ничего не оставалось, как гневно ругать других: "Я виню вас. Я говорил вам заниматься бизнесом раньше. Но вы просто не делаете этого. Если ты используешь все свое имущество, чтобы спастись, то Чэнчжи Что мне делать? Я действительно не должен был выбирать тебя".

"Папа, я знаю, что была не права, пожалуйста, помоги мне, мне так страшно". Хун Шина плакала и умоляла, посмотрела вниз на свои ноги и увидела, что ее ноги висят в воздухе, она была слишком напугана, чтобы посмотреть еще раз. Она продолжала умолять: "Папа, спаси меня, я не хочу умирать, мне так страшно".

"Спасу тебя, а как же Чэнчжи?"

"Моему брату пока ничего не угрожает. Спаси меня, и я найду способ спасти брата. Папа, я знаю, что был неправ, и я никогда больше не осмелюсь сделать это. Спаси меня."

"Эй..." Хун Тяньфан снова вздохнул, и ему пришлось вступить в переговоры с Фэн Цайцзе: "Фэн Цайцзе, как насчет того, чтобы сравнить условия сделки?"

"У тебя нет квалификации, чтобы обсуждать условия со мной, поэтому немедленно делай, как я сказал." Фэн Цайцзе не поддался и был вынужден сделать все, но в душе он не заботился о собственности семьи Хун.

Если семья Хун не развалится, у него не будет спокойной жизни, вся семья Хун должна быть уничтожена.

"Посреди ночи, как мне это сделать, какое большое состояние, нельзя сделать все сразу".

"Одного листа бумаги достаточно. Пока вы пишете на одном листе бумаги, что все ваше имущество переходит ко мне, многие процедуры можно сделать позже."

"Здесь нет ни компьютера, ни принтера, даже если я захочу написать, это бесполезно!".

"Легко, дайте мне телефон, и я попрошу кого-нибудь прислать его".

"Что?" Хун Тяньфан всегда хотел оттянуть время, но что бы он ни сказал, у другой стороны была контрмера для ответа, что делало его действительно трудным.

()

<http://tl.rulate.ru/book/40213/2082873>